

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РАЯ

На землю его вернула любовь Людмилы Поргиной

ЕСЛИ В РОССИИ когда-нибудь возведут памятник женской любви, вере, терпению и преданности, то у этой скульптуры, несомненно, должны быть черты Людмилы Поргиной.

В один день она потеряла маму и чуть не потеряла мужа — ровно через 40 минут после последнего вздоха тещи Николай Караченцов, торопившийся в ее дом, попал в автокатастрофу. Его собирали буквально по кусочкам. Людмила Андреевна в те дни разрывалась между кладбищем и реанимацией, в которой Николай Петрович лежал в коме. В день похорон, второго марта, у Караченцова наступила так называемая «мертвая точка»: врачи ждали смерти с минуты на минуту. Рано утром Поргина пришла в реанимационную палату, склонилась над мужем и прошептала ему: «Коля, прошу тебя, дождись меня: сейчас я похороню маму, приеду и вытасю тебя». Так все и случилось — наплевав на собственную карьеру в Ленкоме, заслуженная артистка России превратилась в сиделку, медсестру, массажиста, освоила сотню других ипостасей, доселе ей неведомых, — лишь бы вернуть себе своего Колю. А нам — любимого артиста.

Мы встретились с Людмилой Андреевной на концерте, посвященном ее мужу, точнее, выходу в свет антологии песен, исполненных им когда-то. Было много знаменитых людей, все пели и говорили со сцены теплые слова виновнику торжества, который сидел в зале со своим ангелом-хранителем. Он ни на минуту не выпускал ее руки, а если она надолго отвлекалась на журналистов и гостей, желающих выразить свое восхищение, хрипло говорил: «Люда, садись!» — и опускал для нее сиденье кресла.

Духота на улице и в зале сводила с ума: Николай Петрович сидел мокрый, Людмила Андреевна то и дело вытирала ему лицо. Но у него хватало сил позировать перед фото- и видеокамерами, принимать поздравления и раздавать автографы. Причем он не просто расписывался: писал на книгах и дисках имя их обладателей, пожелания удачи и здоровья, а потом уже оставлял заветный росчерк.

Но все же он еще очень слаб: травмы изменили черты лица, речь затруднена, движения замедлены... Вспоминая того орла Караченцова, каким он был, еле слглатываю ком в горле. Слезы наворачиваются еще и оттого, что вижу совершенно искреннее счастье в глазах его жены: она с такой любовью, нежностью и восхищением смотрит на мужа!

В антракте на улице перед служебным входом собрались все — отдышаться и пообщаться. Толкаемся среди звезд, фотографируем знаменитостей, перекидываемся с ними парой слов. Андрей Чернышов — молодой поющий актер, исполнивший «Давай поговорим». Его голос до мурашек похож на голос самого Караченцова.

— Андрей, кто-нибудь вам говорил об этом?

— Да, буквально только что. Но я согласился принять участие в этом концерте вовсе не с целью продемонстрировать свои вокальные данные — наоборот: Николай Петрович задал такую высокую планку в исполнении, что нам до нее вряд ли дотянуться.

Ольга Кабо, изящная и такая красивая, мгновенно оказалась в центре внимания прессы:

— Я только уповаю на то, что с Николаем Петровичем все будет хорошо. Я работала с великим актером — это настоящее счастье.

Максим Дунаевский, Илья Резник, Олег Газманов, Андрей Соколов, Виктор Раков, Игорь Верник, Гоша Куценко, Евгения Крыкова, Ирина Грибулина — знаменитости все прибывали и прибывали. В дверном проеме появилась Людмила Андреевна — я не могла не воспользоваться возможностью поговорить с ней.

— Людмила Андреевна, я из Магнитогорска. Земляки никогда не простят, если я не поговорю с вами.

— Хорошо. Запишите мой мобильный, созвонимся завтра.

Особо ни на что не надеясь, звоню на следующий день. И получаю приглашение домой — ничего себе! До последнего не верится, что идем в гости к народному артисту России Николаю Караченцову. Красивый большой дом в центре Москвы, охрана, естественно, не пропускает. Но один звонок — и перед нами распахивают калитку.

Еще в подъезде замираю от восхищения: холл перед лифтом — ротонда с колоннами, мраморной мозаикой выложен пол, и даже почтовые ящики оформлены евро. Охранник проводит к лифту, вставляет ключ напротив кнопки этажа — мы едем.

Дверь открывает бородастый мужчина, рядом с ним внушительных размеров лабрадор. Теснимся к двери — страшновато.

— Да что вы! Наша Эмили — настоящая кошка. Погладите ее.

Эмили сует свою морду прямо мне в руки — напрашивается на ласку. Нас проводят в кухню, ставят изящные чайные чашки, сервируют стол, заваривают чай. Пока ждем Людмилу Андреевну, осматриваемся: старинная мебель, над столом — огромная тяжелая люстра, на стенах — тарелки из путешествий — Израиль, Эстония, Италия, Америка — почти весь мир.

Кухня соединена с гостиной двусторонней дверью. Поглядываем туда. Комната огромная, увешана картинами, но роскоши нет — скорее, солидность, причем интеллигентная и теплая. Запах в квартире домашний, обжитой. На столе в гостиной — клетка с голосистой канарейкой.

Входит Людмила Андреевна в голубом домашнем халатике, приглашает за стол: «Чай, бутерброды? Эмили, ну не мешай нам!»

— Людмила Андреевна, то, что вы делали и делаете для Николая Петровича, сравнимо с подвигом.

— Просто я очень его люблю. Я всю жизнь мечтала, чтобы со мной по жизни шел именно такой человек. Но первая любовь, вторая, третья... Я уж было подумала, что сказки в жизни не бывает. Вышла замуж и тут встретила Колю. Влюбилась с первого взгляда, он — тоже. Потом он попросил меня оставить мужа, что я и сделала.

— Когда произошла трагедия, естественно, вы верили, надеялись. Но вот есть еще какая-то подсознательная убежденность в том, что все будет хорошо, или наоборот. Что подсказывало женское чутье?

— Моменты отчаяния бывали, конечно. Нет такого человека, который бы не проигрывал ситуацию в разных вариантах. Я упала на Бога, вся планета присылала нам телеграммы, Интернет был забит, мне написали стихи Вознесенский, Евтушенко. Коля был в коме, а мы ему читали телеграммы.

— Только не говорите, что он это помнит!

— Нет, конечно! Врачи говорят, что это время вычеркивается из памяти, жизнь после комы как бы на-

чинается заново — наверное, чтобы не было страшно жить потом. Мне Коля говорит, что он помнит лишь то, как ехал — и все. Еще он помнит, что был в раю.

— Вы хоть понимаете, что его возвращение — это чудо вашего авторства?

— Ой, у меня аж мурашки. Это не мое авторство. Понимаете, можно просто жить с человеком, а можно жить с человеком любимым — чувствуете разницу? (У Людмилы Андреевны наворачиваются слезы). Коля всегда был для меня каменной стеной. И я в интервью Оксане Пушкиной говорила, что была той бабочкой, которая грелась в теплых ладонях. А сейчас стеной стою я — мы поменились местами. И когда он мне теперь говорит: «Вот, я не работаю!», я ему отвечаю: «Коля, ты так поработал в своей жизни, столько подарил счастья своим поклонникам, что можешь позволить себе немного отдохнуть». Знала ли я, что смогу вытаскать Колю?.. Я помню, как стояла на коленях и молилась: «Господи, если ты считаешь, что должно быть так, пусть будет так. Но если возможно, молю тебя, верни мне этого человека! Потому что мир без него окрасится совершенно в другой цвет». Я была готова пойти в монастырь, быть православной медсестрой, ухаживать за людьми в коме. Ведь не у каждого есть деньги нанять человека, который бы брил, мыл, боролся с пролежнями и так далее... Я не боюсь... Мне позвонили из администрации президента и сказали: «Мы не ожидали, что буквально вся страна прильнет к экранам телевизоров и, затаив дыхание, будет ждать, как у него сложатся дела». Он не Аллен Делон, но, когда Коля начинал

петь, я ловила себя на мысли, что сижу и, как дура, улыбаюсь. Когда он выходил на сцену, она просто раздвигалась, своим темпераментом он мог спасти любой спектакль. И когда такой человек уходит... Это бы меня не убило, я бы продолжала жить, но жизнь была бы другой. Знаете, есть такое математически-космическое понимание: можно удлинить или укоротить время. Так вот, в тот момент я раздвигала время насколько это возможно — я ему давала шанс выползти, каждый день тянула, чтобы врачи сделали как можно больше.

— Его возвращение шло по часам? Чуда не произошло?

— Чудом было все! Врачи сначала говорили, что он умрет, потом были уверены, что он никогда не встанет, что к нему не вернется разум... И когда он начал выходить из комы... У него задрожал глаз, потом пальчик... А потом он согнул ноги и выбил стенку кровати — человек, который потерял двадцать килограммов! Видимо, когда ему пришел приказ от Бога возвращаться, он стал делать это с такой активностью, что врачи не могли за ним успеть. Он не мог есть, глотать, в желудке стоял катетер для кормления, в легких работало что-то очищающее, потому что у него было два воспаления... Мне посоветовали уникальное лекарство за пятнадцать тысяч долларов. Я уже начала думать, где взять эти деньги, как мне позвонили и сказали, что, когда в американской фирме узнали, для кого требуется препарат, его прислали бесплатно в двойной порции. Нам предлагали приехать в Канаду, Америку — присылали чартерный самолет, но ни перелет, ни даже

транспортировка Коли в Шереметьево были невозможны. Где-то через двадцать дней после того, как Коля вышел из комы, я пришла и увидела кровать пустой, на меня навалилась такая тяжесть! Стою и думаю: «Значит, все... Конеч». А мне говорят: «Он там с сестренками кофе пьет». Представляете? Вчера он не мог сидеть, а сегодня пошел кофе пить! И вот я вижу картину: он висит на груди у сестренки, а у нее бюст — будь здоров, он курит и счастлив до безумия. Два месяца мы провели в реанимации, потом нас перевели в палату, которую наш друг отделил под квартиру — с мебелью, бытовой техникой и всем остальным. В палате он начал самостоятельно глотать, а потом в день съедал по два килограмма клубники и полтора килограмма творога. Помню, писал записочки: «Дорогие мои, видимо, в детстве я недоел сладкого — можно мне шоколадный йогурт?» Ему их носили все наши знакомые — тоннами. Он как бы накапливал свою жизнь. И в какой-то момент я уверилась в том, что Господь его не заберет. Конечно, было много провалов: то он снова плохо ходит, то перестал спать, то начал нервничать... До второй операции, когда ему поставили пластину на часть черепа, мы вообще не отпускали его ни на шаг: под кожей пульсирует открытый мозг — не дай бог, ударится! У него была сломана ключица, и обломки кости вошли в пучок нервов, жутчайшая боль... Все это — отдельные операции, и после них мы снова идем вниз, опять учимся ходить, говорить... Но мы это преодолели, теперь идем дальше.

— Помню, мы обсуждали, где сейчас Караченцов: дома или в больнице. В тот же день узнали, что он готовится к съемкам, и облегченно пошутили: мол, мы его тут из постели в постель перекладываем, а он уже на сцене.

— Да, Константин Бромберг, который сейчас работает в Голливуде, очень хочет вернуться в Россию и снять «Приключения Электроника двадцать лет спустя».

— Это ради Караченцова?

— Нет, не ради Караченцова. Он предложил американцам идею, им она понравилась. Ради Коли была изменена сюжетная линия его героя Урри. Первые серии он будет появляться без слов. И только потом мы узнаем, что Урри, выйдя из тюрьмы, попал под машину, пережил катарсис и начал помогать главному герою спасать мир от террора. Проект идет, на днях мы получим сценарий, Коля рад очень.

— Как вы выбрали методику реабилитации: пытались заниматься всем сразу или изначально предпочли что-то одно?

— Я приняла совет главного нейрохирурга Москвы Владимира Викторовича Крылова, который делал Коле операцию. Мы очень подружились за это время, и я горжусь этой дружбой. Когда мне было совсем плохо, он повел меня в ресторан — представляете? Он сказал: «В любой ситуации научись стоять на ногах, потому что твоя сила сейчас нужна ему». Крылов посоветовал нам центр Шкловского — в нем мы работаем по сей день. Летом я хочу отвезти Колю к одной бабушке-целительнице, мне ее друзья нашли. Говорят, по силе дара ее можно сравнить с Вангой. Меня врачи ругают за то, что я заставляю его играть в теннис, вожу в театр, оперу... На это я отвечаю: у него есть жизнь, она одна, и она проходит.